

Не спорить с рекой

Чжуан-цзы
о свободе,
мягкости
и искусстве
быть собой

Сергей Антонов

Сергей Антонов

**Не спорить с рекой. Чжуан-
цзы о свободе, мягкости
и искусстве быть собой**

<https://litres.ru/74390792>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы всю жизнь плывёте против течения и называете это характером. А река давно течёт мимо, туда, куда вам действительно нужно.

Чжуан-цзы говорил не о философии для монахов, а о простой вещи: сила не в сопротивлении, а в умении течь. Пока одни доказывают правоту в каждом разговоре, другие тратят эту энергию на жизнь. Пока одни держатся за образ «сильного человека», другие давно свободны, потому что перестали быть тем, кем их хотят видеть.

Эта книга не учит сдаваться. Она учит различать: где бороться стоит, а где борьба сама и есть ваша тюрьма. Мягкость здесь не слабость, а древнейшее оружие тех, кто умнее обстоятельств.

Прочитайте её, если устали спорить с рекой.

Сергей Антонов

Не спорить с рекой. Чжуан-цзы о свободе, мягкости и искусстве быть собой

Предисловие

Говорят, что в китайской классике конфуцианство возглавляют «Конфуций и Мэн», за ними следуют Сюнь, Дун, Чжу и Ван, причём других нельзя ставить в один ряд с стариком Конфуцием, тем более нельзя произвольно менять их порядок; но у даосизма нет таких правил, и в последующие века, помимо термина «Лао-цзы и Чжуан-цзы»

, но и обсуждается термин «Чжуан-Лао», подразумевающий, что статус Чжуан-цзы в даосизме превосходит даже почетное звание «второго святого», которым обладает Мэн-цзы в конфуцианстве. Так ли это на самом деле? Вряд ли кто-то задаётся этим вопросом. Просто Чжуан-цзы был обычным мелким чиновником в лаковой мастерской и, в отличие от Мэн-цзы, не путешествовал по государствам и не бывал при дворе, но то, что его слава в потомстве значительно превзошла славу Мэн-цзы и приблизилась к славе учителя Конфуция — Лао-дана, не вызывает сомнений.

Чжуан-цзы был мыслителем, что видно из многочисленных комментариев к его трудам, написанных в последующие века как «левыми», так и «правыми». В то же время Чжуан-цзы был великим литератором: его произведения отличаются непринуждённостью, тщательностью, красочностью, доступностью и глубиной.

К сожалению, впоследствии всевозможные «авторитетные» комментаторы, вырывая фрагменты из контекста и даже буквально пересказывая текст, разбили на куски и до неузнаваемости исказили «Чжуан-цзы» — произведение, отличающееся естественной целостностью и выразительностью. Возможно, они искренне почитали Чжуан-цзы, но, превратив его в отшельника, произносящего бессвязные речи, умышленно запутывающего смысл и извергающего бессмысленные бредни, они, действуя из лучших побуждений, нанесли делу вред.

Статьи предшественников о «Чжуан-цзы» в основном построены следующим образом: приводится отрывок из оригинального текста «Чжуан-цзы», к сложным словам и фразам добавляются простые пояснения, а затем на основе этого отрывка пишется рецензия, в которой авторы натянуто и надуманно возвращаются к эпохе Чжуан-цзы, выдумывают «реальные сцены» из жизни древних людей, а затем выражают свои чувства, проникнутые «таинственной древностью». Если представляется возможным, авторы ещё и исправляют «искажённое толкование» Чжуан-цзы другими, чтобы дока-

зять, что именно их точка зрения является ортодоксальной и авторитетной.

Чжуан-цзы нужно понимать, но сколько же людей способны проникнуть в самую глубину его души? Мы можем лишь приблизительно понять Чжуан-цзы, стремясь как можно ближе подойти к его внутреннему миру. Мир бурлит, сердца людей увлечены славой и корыстью, и они никогда не задумываются о том, где можно найти чистую землю, куда можно было бы укрыться.

Господин Нань Хуайцзинь, погрузившись в мудрость Чжуан-цзы, проник в суть жизни и поднял ценность человеческой жизни на два уровня: во-первых, стать святым, живущим в этом мире, а во-вторых, пройдя путь успеха в этом мире — достигнув успеха, обретя славу, уйдя из жизни и следуя Пути Неба — превратиться в святого, ушедшего из этого мира.

Иногда жизнь заслоняет нам взор, и, погрязнув в материальных желаниях, мы не знаем и не верим в существование чудесного мира «века высшей добродетели». Жизнь нуждается в ярком и великолепном идеальном царстве Чжуан-цзы. Не имея никакой материальной опоры и полагаясь исключительно на духовную силу для созидания рая, Чжуан-цзы более двух тысяч лет назад испытывал давление, которое многим трудно себе представить. Говоря о мудрости Чжуан-цзы, господин Нань Хуайцзинь отмечал, что Чжуан-цзы не следовал подходу Лао-цзы, родоначальника даосизма, который

заклучался в слепом «соблюдении» и «отказе от борьбы», а выбрал полуактивную позицию участия в мирской жизни. Изменения в обществе не только оказывают негативное влияние, но и дают многим людям возможность для развития. Просто, с точки зрения Чжуан-цзы, такая возможность не должна сочетаться с властью. Чжуан-цзы оставил нам «Великий Путь, прямой как волос» и страстное стремление смело прожить жизнь.

Жаль, что мы познакомились так поздно. Желаю всем вам вместе с господином Нань Хуайцзином погрузиться в мир Чжуан-цзы и, подняв чашу Чжуан-цзы, избавиться от душевных узелков.

Цитаты из оригинального текста «Чжуан-цзы», приведённые в настоящей книге, взяты из издания «Чжуан-цзы: Наньхуа Цзиньцин», вошедшего в сборник «Собрание сочинений ста мудрецов», опубликованного издательством «Юэлу» в 1993 году и подписанного «Чжоу Чжуан-чжоу». Данное издание издательства «Юэлу» основано на оригинальном издании «Собрания сочинений ста мудрецов», выпущенном издательством «Чунвэнь» в провинции Хубэй в первый год правления императора Гуансю династии Цин (1875 г.), и прошло тщательную редакцию. Об этом делается специальное пояснение.

1. Совершенствование себя равносильно спасению мира

В этой главе рассматривается притча из «Чжуан-цзы»

«Воздох Вэй Моу»

Каждый человек, лишенный иллюзий, — это ещё одно искреннее сердце в этом мире.

Вэй Мо, возрев на небо, вздохнул

Гунсунь Лун спросил Вэй Моу: «В юности я изучал учение древних царей, а повзрослев, проникся духом добродетели и справедливости; я объединял противоположное и разделял «твердое» и «белое»; разбирался в «да» и «нет», в «можно» и «нельзя»; я исчерпал знания ста школ и докопался до пределов споров всех ученых. Я считал себя достигшим высшего понимания. Но теперь, услышав слова Чжуан-цзы, я вижу, что они отличаются от моих. Неужели мои рассуждения недостаточны? Или мои знания несовершенны? Теперь я не знаю, что сказать, и осмелюсь спросить о пути к истине».

Государь Му, прикрыв лицо ладонью, глубоко вздохнул, поднял глаза к небу и, улыбаясь, сказал: «... Ты же ищешь это с пристальным вниманием и выясняешь с помощью споров — это все равно что смотреть на небо через трубочку или указывать на землю шилом. Разве это не мелочно? Иди же! Разве ты не слышал о том, как Юцзы из Шоулин ехал учиться в Ханьдань? Не обрета там государственных навыков, он ещё и утратил свои прежние манеры поведения и был вынужден ползком вернуться домой. Если ты сейчас не уйдёшь, то забудешь о своём прежнем «я» и утратишь своё ремесло».

Гунсунь Лун не мог сомкнуть губ, его язык поднялся и не опускался, и он в панике убежал. («Чжуан-цзы · Осенняя вода»)

Чжуан-цзы сказал:

Гунсунь Лун спросил Вэй Мо: «С детства я изучал принципы правления древних царей, а затем углубился в изучение добродетели и справедливости. Я умею представлять неправильное как правильное, а невозможное — как возможное, сбивая с толку мудрецов всех школ и лишая речи даже самых красноречивых. Но сегодня, слушая речи Чжуан-цзы, я чувствую себя растерянным. Неужели я не могу превзойти его в споре или мои знания уступают его?»

Услышав это, Вэй Мо, прислонившись к столу, глубоко вздохнул, поднял глаза к небу и, улыбаясь, сказал:

«Ты не способен постичь грань между правильным и неправильным, не можешь проникнуть в суть речей Чжуан-цзы, а твоей мудрости не хватает, чтобы понять крайне таинственные учения. Учение Чжуан-цзы проникает в самые глубины земли и возносится до небес, простирается на север, юг, восток и запад, не зная границ, и возвращается к Великому Пути, всемогущему, а ты всё ещё, как тот, кто пытается ходить, подражая жителям Ханьдана. Неужели тебе не пора возвращаться?»

Гунсунь Лун раскрыл рот и не мог его закрыть, язык его высоко поднялся и не опускался, и он очень быстро убежал.

Призрачные представления — это плохо

Эта история из «Чжуан-цзы» показывает, что человек не должен смотреть на небо через трубку или указывать на землю шилом; нужно понимать, что знание неисчерпаемо, и максимальное, чего человек может достичь, — это самосовершенствование. Гунсунь Лун любил пускаться в словесные споры, но какая от этого польза? Говоришь то одно, то другое, а в душе сам переживаешь. Ты можешь перевернуть черное в белое, но в результате сам изменишься. Если цвет изменился, его еще можно вернуть, но если изменилась сущность, то использовать это уже невозможно.

Вздых Вэй Мо был проникновенным: он видел, как многие люди умирали, не раскаявшись, и до конца оставались упрямыми. Их сердца были слабы, а поступки — чрезвычайно жестоки. Вэй Мо был бессилен это остановить, и ему тоже оставалось только совершенствовать себя. Он хотел начать с себя: чем на один лживый человек меньше в этом мире, тем на одно искреннее сердце больше.

Вэй Мо

Он взглянул в небо и вздохнул, а может, и рассмеялся. Человеческий смех похож на вздох, а вздох — на смех. Если человек считает смех вздохом, то смеяться ему нечего; если же считает вздох смехом, то вздыхать ему нечего.

Если человек сохраняет свою мудрость, то мир не будет обременен

— «Чжуан-цзы · «Кража из сундука»

2. Познав себя, можно понять других

В этой главе рассматривается притча из «Чжуан-цзы» «Конфуций не боялся быть неправильно понятым»

Войдя в состояние самосознания, все внешние помехи исчезают.

Конфуций — это Конфуций

Конфуций путешествовал по Куангу, и жители Сун несколько раз окружили его, но он продолжал играть на струнных инструментах и петь. Цзы Лу вошёл к нему и спросил: «Почему Учитель так весел?»

Конфуций ответил: «Подойди, я расскажу тебе. Я давно стараюсь избежать бедности, но не могу — такова судьба; давно стремлюсь к успеху, но не достигаю его — таково время. Во времена Яо и Шуня в мире не было бедных — не потому, что они знали, как добиться богатства; во времена Цзе и Чжоу в мире не было успешных людей — не потому, что они знали, как избежать неудачи; просто так сложились обстоятельства. Тот, кто, плывя по воде, не боится драконов, — это храбрость рыбака; тот, кто, идя по суше, не боится тигров, — это храбрость охотника; тот, кто, стоя перед острием меча, смотрит на смерть как на жизнь, — это храбрость героя; тот, кто знает, что бедность — это судьба, а процветание — дело времени, и не боится перед лицом великой беды, — это храбрость мудреца. Лу, успокойся! Моя судьба уже предreshена!»

Вскоре подошёл военачальник в доспехах и сказал: «Мы приняли вас за Ян-Ху, поэтому и окружили.

Но теперь это не так; позвольте мне отказаться и отступить». («Чжуан-цзы. Осенняя вода»)

Чжуан-цзы говорил:

Конфуций, путешествуя по землям Куан, был окружён жителями государства Сун, но, несмотря на это, продолжал играть на гуцюне и петь.

Цзы Лу вошёл внутрь и, увидев Конфуция, спросил: «Почему, господин, вы так радуетесь?»

Конфуций ответил: «Во времена Яо и Шуня не было людей, не нашедших своего места, а во времена Цзе и Чжуна не было людей, нашедших его. Это обусловлено обстоятельствами. Бедность и неудачи человека — это судьба, и только мудрый человек может это понять. Не нужно бояться грядущих бедствий, нужна лишь храбрость святого».

Вскоре вошел военачальник, командующий войсками, и, извинившись, сказал:

«Все приняли тебя за Ян Ху, поэтому окружили тебя со всех сторон. Теперь, когда стало ясно, что ты не Ян Ху, я немедленно отзываю войска».

Не нужно оправдываться

На первый взгляд эта история Чжуан-цзы учит, что перед лицом трудностей нужно проявлять мужество, но на самом деле она говорит о том, что к трудностям нужно относиться спокойно. Когда наступают настоящие трудности, одной только храбрости недостаточно, чтобы решить проблему. Если относиться к ним спокойно, они сами рассеются,

как дым.

Когда Конфуция неправильно понимают, не стоит оправдываться.

Когда Конфуция окружали, не следовало прорываться.

Ему следовало сесть, поразмыслить, глотнуть воды, спеть песню и вести себя так, будто ничего не произошло, — просто отдохнуть здесь.

Секрет заключается в том, что он погружался в состояние самосозерцания, и все внешние помехи исчезали. Со временем все суетные дела рассеивались, как туман, и истина выходила на свет. Когда мир вокруг уже преобразился, он ещё не закончил петь свою песню.

Конфуций путешествует по государствам

Когда Конфуция в пути приняли за Ян-Ху и окружили, он по-прежнему «не прекращал играть на струнных и петь». Он не смешивал себя с другими, и поэтому все дела легко решались: следуя своему пути, он не поддавался внешним соблазнам.

Чжи не достиг пути святого и не смог идти по нему
— «Чжуан-цзы · Цюй-цзе»

3. Вхождение в состояние «твёрдости» через состояние «мягкости»

В этой главе рассказывается о притче из «Чжуан-цзы»: «Бесформенное побеждает форменное, а форменное также может победить бесформенное»

Сильный ветер не может сломать травинку, а травинка не

может поднять сильный ветер.

Ветер бежит быстрее змеи

Змея сказала ветру: «Когда я двигаю позвоночником и боками, чтобы ползти, это похоже на движение. А ты, ветер, с шумом поднимаешься из Северного моря и с шумом устремляешься в Южное море, и при этом кажется, что тебя нет. Почему так?»

Ветер ответил: «Да! Я бушующе поднимаюсь из Северного моря и устремляюсь в Южное море, но если указать на меня, то меня можно победить, и я сам себя побеждаю. Тем не менее, только я способен сломать большие деревья и снести большие дома». («Чжуан-цзы. Осенняя вода»)

Чжуан-цзы сказал:

Змея обратилась к Ветру: «Я двигаюсь, сгибая позвоночник и бока, а ты с шумом поднимаешься из Северного моря и с шумом уносишься в Южное море, словно не оставляя следов. Почему так?»

Ветер ответил: «Я могу сломать большие деревья и снести большие дома; в мелочах я не ищу победы, но стремлюсь к великой победе. Достичь великой победы способен только мудрец».

Бесформенное побеждает форменное

Чжуан-цзы, используя диалог между змеей и ветром, раскрывает принцип превосходства бесформенного над форменным.

Осязаемое неизбежно обременено осязаемым, а неосяза-

емое — непреодолимо для неосязаемого. И всё же неосязаемое боится неосязаемого и не боится осязаемого. Неосязаемый ветер ломает осязаемое дерево, неосязаемая сила убивает тысячи и десятки тысяч людей — и это вполне обычное явление.

Следует использовать бесформенное для управления форменным, а не форменное для управления форменным.

Под «управлением осязаемого с помощью неосязаемого» подразумевается сведение себя до предельной малости — это и есть «недействие» (у-вэй), и тогда естественным образом «не делая ничего, можно сделать всё». Сильный ветер ломает большие деревья, но не может сломать травинки — именно в этом заключается этот принцип.

Разговор змеи с ветром

Змея бежит быстрее ветра, но ветер, будучи неосязаемым, побеждает осязаемое. Кто во всём выставляет себя важным, тот часто теряет голову. Иногда то, что кажется «выдуманной историей», на самом деле оказывается сильным ветром.

Будучи подобным невежеству, его добродетель не отступает. Будучи подобным безжелательности, это и есть простота

— «Чжуан-цзы. Конские копыта»

Войди в врата бесконечности, чтобы бродить по безграничным просторам

— «Чжуан-цзы · В Ю»

4. Ищи свое сердце, и когда оно обретет радость, все

обретут радость

В этой главе рассматривается притча из «Чжуан-цзы» «Лао-цзы учит Конфуция»

Великий Путь нельзя искать вовне, нужно искать его в своём сердце, чтобы напрямую стать этим Путём.

Конфуций встретил Лао-цзы

Конфуцию было пятьдесят один год, но он так и не познал Дао, поэтому он отправился на юг, в Пе, чтобы встретиться с Лао-даном. Лао-дан сказал: «Ты пришёл! Я слышал о тебе — ты мудрец с севера. Ты уже обрёл Дао?» Конфуций ответил: «Ещё нет». Лао-цзы спросил: «Где же ты его ищешь?»

Он ответил: «Я искал его в математических вычислениях, но за пять лет так и не обрёл его». Лао-цзы спросил: «А где ещё ты его искал?» Он ответил: «Я искал его в Инь и Янь, но за двенадцать лет так и не обрёл его».

Лао-цзы сказал: «Верно. Если бы Дао можно было преподнести в дар, то каждый непременно преподнес бы его своему правителю; если бы Дао можно было порекомендовать, то каждый непременно порекомендовал бы его своим родителям; если бы Дао можно было рассказать, то каждый непременно рассказал бы о нём своим братьям и сёстрам; если бы Дао можно было передать, то каждый непременно передал бы его своим детям и внукам. Однако это невозможно, и причина в том, что внутри нет опоры, чтобы остановиться, а снаружи нет ориентира, чтобы двигаться...»

Конфуций, увидев, что Лао-дань ушёл, три дня не произ-

носил ни слова. («Чжуан-цзы. Небесное движение»)

Чжуан-цзы говорил:

Конфуций в возрасте пятидесяти одного года всё ещё не обрёл «Дао», поэтому отправился на юг, чтобы встретиться с Лао-цзы, и сказал:

«Я искал Путь, руководствуясь судьбой, но за пять лет не обрёл его. Я искал его в изменениях Инь и Янь, но и за двенадцать лет не обрёл Путь».

Лао-цзы сказал: «Дао нельзя ни посвятить, ни отдать. Истинный человек использует доброту лишь как путь, а справедливость — лишь как временное пристанище; только так можно обрести истинное свободное блуждание в глубине души».

Конфуций, встретившись с Лао-цзы, вернулся домой и три дня не произносил ни слова. Ученики спросили: «Учитель, что вы думаете о Лао-цзы?»

Конфуций ответил: «Я только что увидел дракона: в нём было спокойствие мертвеца и величественное величие дракона. Что я мог ему сказать?»

Однажды Конфуций снова обратился к Лао-цзы: «Я изучил „Книгу песен“, „Книгу документов“, „Книгу обрядов“, „Книгу музыки“, „Книгу перемен“ и „Весну и осень“, представил их семьдесят двум правителям, чтобы объяснить им учение древних царей, но никто не принял их. В чём же причина?»

Лао-цзы ответил: «Шесть Книг — не более чем следы,

оставленные древними правителями, а не источник этих следов. Если обрести Дао, всё будет хорошо; если утратить Дао, ничего не будет хорошо».

Конфуций не выходил из дома уже три месяца и наконец обрёл Дао.

Искать в своём сердце

Эта история из «Чжуан-цзы», рассказанная в форме диалога между Лао-цзы и Конфуцием, поясняет одну истину: Великий Путь нельзя искать вовне, его нужно искать в своём сердце.

Конфуций сначала искал Дао в циклических изменениях, но не обрёл его. Из всех циклов, которые Конфуций мог наблюдать, цикл династии Чжоу был самым продолжительным. Но и династия Чжоу не была вечной. У Чжоу было Дао, но Чжоу не равнялась Дао.

Затем Конфуций пытался обрести Дао с помощью Инь и Янь, но не смог. Инь и Янь находятся на ступень выше, чем циклические изменения, но их превращения следуют собственному пути; они исключают и отвергают всё постороннее, заботясь лишь о собственном движении. Человек не может присоединиться к пути Инь и Янь: он может быть только Инь, но не Янь; он может только смириться и подчиняться, не выходя за пределы своего места, и не может даже мечтать о том, чтобы заменить природу.

Одним словом, Великий Путь нельзя искать вовне — ты должен сам стать этим Путем, то есть искать его в своём серд-

це.

Лао-цзы

Лао-цзы сказал Конфуцию: «К счастью, ты не встретил правителя, правящего в эпоху процветания, иначе ты бы ушел и не вернулся». Конфуций понял, что сам ещё не готов — чем же он может изменить других?

Весь мир пойдет на гибель

— «Чжуан-цзы · Пяньму»

Будь осторожен, не раздражай людей

— «Чжуан-цзы · Цзай Ю»

5. Лучше показать себя таким, какой ты есть, чем притворяться

В этой главе рассказывается о притче из «Чжуан-цзы» «Ритуал вне ритуала»

Безцеремонность — это искренность. Показывать людям свою истинную сущность — значит уважать их.

Смерть Цзы Санху

Цзы Санху, Мэнцзы Фань и Цзы Цинь Чжан были друзьями... Вскоре Цзы Санху умер, и его тело ещё не было похоронено. Узнав об этом, Конфуций послал Цзы Гун, чтобы тот приступил к подготовке к похоронам. Кто-то сочинял мелодии, кто-то играл на гуцзине, и все вместе пели: «О, Санху! О, Санху! А ты вернулся к своей истинной сущности, а я всё ещё остаюсь человеком!» Цзы Гун поспешно подошёл и спросил: «Смею спросить: разве петь у трупа соответствует этикету?» Двое переглянулись и улыбнулись: «Как этот мо-

жет понимать смысл этикета?»

Цзы Гун вернулся и рассказал об этом Конфуцию: «Кто же эти люди? Они не практикуют никаких духовных упражнений, но пренебрегают своим телом, поют у трупa, и их выражение лица не меняется — я не знаю, как их назвать. Кто же они такие?»

Конфуций ответил: «Тот — странник за пределами мира; а я — странник внутри мира». («Чжуан-цзы. Великий Мастер»)

Чжуан-цзы говорил:

Цзы Санху, Мэн Цзыфань и Цзы Циньчжан были хорошими друзьями.

Когда Цзы Санху умер, Конфуций послал Цзы Гун помочь с похоронами. Цзы Гун увидел, что один из них — Мэн Цзыфань — сочинял песни, а другой — Цзы Циньчжан — играл на гуэне.

Цзы Гун спросил: «Соответствует ли это ритуалам — петь у трупa?»

Оба переглянулись и улыбнулись: «Разве он понимает истинный смысл ритуалов?»

Цзы Гун вернулся и рассказал Конфуцию о том, что видел.

Конфуций сказал: «Они — люди, освободившиеся от оков ритуалов и пребывающие за пределами мирской жизни, поэтому не привязаны к формальностям. А я всё ещё пребываю в пределах мирской жизни».

Непреодолимое стремление души

Эта история из «Чжуан-цзы» рассказывает о двух мировоззрениях: одно — это пребывание «в пределах квадрата» (fang nei), как, например, у Конфуция; другое — пребывание «за пределами квадрата» (fang wai), как, например, у Мэн-цзы, Фань и Цзы Цинь Чжана.

Под «в пределах квадрата» подразумевается мир. Древние считали, что мир имеет форму квадрата, поэтому называли его «в пределах квадрата». Бродить в пределах квадрата означает жить в этом мире, а бродить за пределами квадрата — выйти из него.

Люди часто мечтают об отречении от мира, но не могут воплотить эту мечту в жизнь. Мен-цзы Фань и Цзы Цинь Чжан, поющие у трупа, — такой способ выражения скорби действительно абсурден.

Но для них это было вполне естественно.

Поскольку они изначально не знали, что такое «ли» (ритуал), они и не знали, что такое «бесцеремонность» или «нарушение этикета».

Как только в их сердцах возникал порыв, они сразу же следовали ему.

Если человек постоянно сопротивляется своему сердцу, его сердце и дух покинут его.

Говоря прямо, с точки зрения истинного отношения к людям, «петь у трупа» — это и есть невежливость.

Иногда «невежливость» на самом деле означает уважение. В этом нет ничего странного, и принцип заключается в сле-

дующем:

Невежливость — это истина. Показывать людям истину — значит проявлять уважение.

Мэн-цзы и Цзы Цинь Чжан — один играл на гуцзине, другой пел, и между ними царило полное взаимопонимание. Это взаимопонимание проистекало не из понимания, а из непонимания.

Когда два непонимающих друг друга человека находятся вместе, они могут обмениваться понимающей улыбкой.

Они не понимали, почему умер Цзы Санху? И тем более не понимали, почему умер не они сами? Поэтому, играя и поя, они скорее радуются за себя, чем скорбят о другом.

Нет ничего более очаровательного в этом мире, чем непознаваемое.

Достаточно лишь сохранять благоговейное отношение к непознаваемому, и в сердце всегда будет надежда.

Мэн-цзы и Цзы Цинь Чжан на поминках

Именно таким образом они скорбели о смерти своего хорошего друга Цзы Санху: пели у гроба, словно праздновали мир и благополучие. Закончив петь, они ушли, забыв друг о друге в широком мире.

Сердце совершенного человека подобно зеркалу: оно никого не встречает и никого не провожает

— «Чжуан-цзы. Ответ императору»

6. Не позволяйте жизни быть такой же призрачной, как музыка

В этой главе рассказывается о притче из «Чжуан-цзы» «Желтый император о музыке»

Рассматривайте всё как уже прошедшее, пропустите события и сразу переходите к тому, как быть человеком.

Желтый Император о пути музыки

Бэймэнь Чэн спросил Желтого Императора: «Император, когда ты исполняешь музыку «Сяньчи» на равнинах Дунтин, я сначала, услышав её, испугался, потом, услышав ещё раз, почувствовал усталость, а в конце концов, услышав в третий раз, пришёл в замешательство; я чувствовал себя растерянным и опустошённым, и не мог обрести душевное равновесие».

Император ответил: «Ты, пожалуй, прав! Я исполняю её, опираясь на человеческое, привожу в соответствие с небесным, осуществляю с помощью ритуалов и нравственности, и утверждаю с помощью Великого Чистого. Истинная музыка сначала соответствует человеческим делам, согласуется с небесным принципом, осуществляется с помощью пяти добродетелей, отвечает природе, и только тогда приводит в порядок четыре времени года и приносит великую гармонию всем вещам.... Смерть и жизнь, гнев и воодушевление — одно из них бесконечно, а другое невозможно предсказать. Поэтому ты и боишься. Я же ещё настроил его на гармонию Инь и Янь, осветил его светом Солнца и Луны. Его звук может быть коротким и длинным, мягким и твёрдым; его изменения едины, не привязанные к прежним обычаям. Нахо-

дьясь в долине, он наполняет долину; находясь в яме, он наполняет яму.... Она извивается, поэтому впадает в леность. Я снова играю для неё звуки, не допускающие лености, и настраиваю её на веление природы. Поэтому она словно смешивается с растущей рощей, радуется лесу, не имея формы, развеивается, не волочась, пребывает в темноте, не издавая звука». («Чжуан-цзы. Небесное движение»)

Чжуан-цзы говорил:

Бэймэнь Чэн слышал, как Желтый Император исполнял мелодию «Чэнчи» на бескрайней равнине; сначала он испытал страх, затем почувствовал расслабление, а к концу остался в замешательстве, ошеломлённый и не зная, как себя вести, и спросил Желтого Императора, в чём причина.

Желтый Император ответил:

«Я играю эту мелодию, руководствуясь человеческими чувствами, сопровождаю её небесными законами, управляю ею с помощью добродетели и справедливости, утверждаю её путём Неба. Звуки затихают, но ты не можешь найти их конца; звуки начинаются, но ты не можешь найти их начала; то они исчезают, то возникают; то умолкают, то возвышаются; их изменения бесконечны, поэтому ты испытываешь страх».

«Я играю, опираясь на гармонию Инь и Янь, освещая звук сиянием Солнца и Луны, сдерживая страсти, сосредоточивая дух; мелодия звучит плавно, ритм ясен, тело наполнено, а душа словно исчезает, поэтому ты чувствуешь расслабление.

«Я играю, находясь в состоянии забвения чувств и себя, гармонизируя с естественным ритмом; мелодии смешиваются, преследуют друг друга и дополняют друг друга, словно множество инструментов играет в унисон, но не видно их очертаний; всё тускло и беззвучно, находясь в состоянии мрака, то кажется, что оно исчезает, то — что возникает, то — что оно реально, то — что оно призрачно. Поэтому ты сбив с толку. Только в замешательстве можно достичь мягкости и отсутствия знания, только так можно соединиться с Дао; достигнув этого состояния, ты сливаешься с Дао и становишься единым с ним».

Смотреть на человека, а не на события

В этой истории Чжуан-цзы, используя музыку для описания людей, передает три уровня жизненного Пути, описанные Желтым Императором.

1. Состояние — это человеческие отношения и жизненные уловки. Глубокое знание пути человеческого поведения, безусловно, также является состоянием, причём весьма важным. Уживаться среди людей — дело действительно нелегкое! Чтобы понимать человеческие чувства и мирские уловки, нужно иметь сердце, только так люди могут уживаться друг с другом. Иначе все будут холодны и безразличны, и останется только сражаться на мечах. Если в этом мире и существует что-то, способное превратить тленное в чудесное, то это — слово «чувство». Мирские уловки, мирские уловки — нужно рассматривать все дела как уже прошедшее, про-

пускать события и сосредоточиваться на том, как быть человеком. Слушай все дела как рассказы: пусть они остаются живыми, но далекими от тебя, не позволяй им стать мертвыми и обременить тебя.

Лучше действовать решительно, чем ловко

2. Состояние — «Тайхэ». Его суть заключается в следующем: гармонизировать инь и янь, действовать медленно. Ключ к гармонии не в ловкости рук, а в решительности. Когда сильный ветер собирается сдуть ягнёнка с обрыва, нужно крепко схватить его за ногу.

Забвение чувств Третье состояние — это «забвение чувств». Суть его заключается в следующем: забвение чувств — это не забывание чувств, а забывание самого факта забывания; не нужно сознательно пытаться забыть, забываешь естественным образом. Чжуан-цзы называл это «забвением забывания».

Желтый Император и Бэймэнь Чэн

Желтый Император сыграл мелодию на гуэне всего за три аккорда, а Бэймэнь Чэн так и не смог уловить суть. Желтый Император сказал ему, что непонимание — это правильно: только ошеломлённый слушатель сможет сосредоточить душу и принять мелодию. Если же слушатель с каждым прослушиванием понимает всё лучше, он утратит смысл исполнителя. Тебе кажется, что ты с каждым прослушиванием понимаешь всё лучше, но на самом деле ты просто вернулся к исходной точке и не достиг никакого прогресса.

«Сидящее забвение»

— «Чжуан-цзы · Великий Мастер»

7. Если ничего не значит, то и потерять нечего

В этой главе рассказывается о притче из «Чжуан-цзы»

«Учитель говорит о жизни и смерти»

Жизнь и смерть подобны трапезе: когда пришло время отложить чашу, нужно погладить себя по животу и уйти.

Уметь жить — значит уметь умирать

Четверо — Цзы Си, Цзы Юй, Цзы Ли и Цзы Лай — беседовали между собой: «Кто сможет поставить „недействие“ во главу угла, „жизнь“ — в основу, а „смерть“ — на девятое место? Кто понимает, что смерть и жизнь, существование и исчезновение — одно целое? С таким человеком я стану другом». Четверо переглянулись и улыбнулись, их сердца сошлись, и они стали друзьями.

Вскоре Цзы Ю заболел, и Цзы Си пришёл навестить его. Тот сказал: «Велико! Создатель, кажется, собирается заставить меня страдать от этого...»

Цзы Си спросил: «Ты недоволен этим?» Тот ответил: «Нет, с чего мне быть недовольным!... Да и вещи уже давно не могут противостоять Небу, так с чего же мне быть недовольным!»

Вскоре заболел Цзылай; он тяжело дышал и был близок к смерти. Его жена и дети окружили его и плакали. Цзыли пошёл навестить его. Тот сказал: «Эй! Отойдите! Не расстраивайтесь». Опираясь на дверной косяк, он обратился к нему

со словами:

«Велико, Творение! Что же ты теперь с ним сделаешь? Куда ты его отправишь? Сделаешь из него печень крысы? Или ногу насекомого?»

Цзы Лай сказал: «... Великая Земля дала мне тело, утомляет меня жизнью, дарит покой в старости и успокаивает смертью. Поэтому тот, кто ценит свою жизнь, тем самым ценит и свою смерть.... Сейчас, если представить себе Небо и Землю как огромную печь, а Творчество — как огромную кузницу, куда же можно уйти, чтобы не попасть туда?»

Он уснул, как будто в оцепенении, и пробудился, как будто в ясном сознании. («Чжуан-цзы. Великий Мастер»)

Чжуан-цзы говорит:

Цзы Ци, Цзы Юй, Цзы Ли и Цзы Лай — четверо были хорошими друзьями.

Однажды Цзы Юй заболел: его спина согнулась, пять внутренних органов выпячивались вверх, плечи поднялись выше головы, а шейные позвонки выпячивались к небу, но Цзы Юй чувствовал себя совершенно спокойно, как будто ничего и не случилось.

Цзы Ци пришёл навестить его и спросил: «Ты испытываешь отвращение к самому себе?»

Цзы Юй ответил: «Нет, я спокоен и умиротворён, следуя течению перемен».

Вскоре заболел и Цзы Лай; он тяжело дышал и был близок к смерти, а жена и дети, окружив его постель, плакали.

Цзы Ли пришёл к нему и сказал людям: «Уйдите, не мешайте процессу перехода от жизни к смерти».

Он обратился к Цзы-Ляй: «Кого Творец превратит тебя — в печень мыши или в руку маленького червяка?»

Цзы Лэй ответил: «Я считаю жизнь добром, а смерть — тоже добром».

Сказав это, он крепко заснул, а потом проснулся, чувствуя себя совершенно свободно.

Эта история Чжуан-цзы очень забавная. Цзы-Лэй говорил, что он не только «умеет жить», но и «умеет умирать»; похоже, он действительно достиг просветления. Самая большая проблема человека — не в том, как жить, а в том, как умереть. Процесс смерти жесток и хлопотен, процедура сложна, и спешка здесь не приносит результата.

Чжуан-цзы раскрывает: так называемая жизнь — это подготовка к смерти. С этой точкой зрения соглашаются немногие, но жизнь такова, как она есть, так зачем же ее табуировать?

Цзы Лай из рассказа Чжуан-цзы проникся сутью жизни и смерти; хотя он и не смог дойти до того, чтобы наслаждаться смертью, сумел принять её как нечто естественное. Конечно, нельзя сказать, что он победил смерть, но, по крайней мере, он смог смотреть ей в глаза.

Жизнь и смерть — как обед

Эти люди весьма интересны.

Цзы Ци, стоя у постели больного, без обиняков спросил

его: «Ты испытываешь отвращение к самому себе?»

Больной Цзы Юй тоже проявил необычайную прямоту и ответил: «Нет, я не испытываю отвращения».

Цзы Юй не испытывал отвращения ни к себе, ни к болезни, что позволяло ему облегчить страдания и одновременно снизить риск, связанный с опрометчивым лечением.

Цзы Лай был ещё более решительным: он относился к жизни и смерти как к еде — разве кто-то носит с собой еду повсюду? Когда пора отложить чашку, нужно просто погладить живот и уйти. Небо и земля безграничны, и жить можно где угодно, но твой живот не так уж и велик.

«Ничего страшного, ничего не теряешь». Цзы Ли спросил Цзы Лай: «После твоей смерти Творец превратит тебя в печень мыши или в руку маленькой букашки?»

Ну и ну, друг вот-вот умрёт, а он говорит такие вещи — он что, сошёл с ума? Он не сошёл с ума, он просто любопытен.

Сам Цзы Лай ещё больше любопытствовал насчёт своей смерти; он тоже хотел понять, как его будут преобразовывать после смерти. Но он знал, что никогда этого не поймёт, поэтому полностью отпустил этот вопрос и перед лицом смерти остался равнодушным. Равнодушен — значит, нечего терять.

Цзы Лай не считал себя человеком, поэтому умирал без сожалений. Цзы Ли спросил его: «Когда ты умрёшь, превратишься ли ты в печень мыши или в руку червяка?» Цзы Лай ответил: «Как хочешь!» Он отдал себя на волю природы, не

сопротивлялся, а лишь подчинялся, и в результате, просто выпавшись, излечился от болезни.

Цю — изгой небес

— «Чжуан-цзы. Великий Мастер»

8. Забыв что-то, ты становишься этим

В этой главе рассказывается о притче «Путь Нюй» из «Чжуан-цзы»

Забудь всё — и обретешь всё.

Нюй Сюй проповедует

Нань Бо Цзы Куй спросил у Нюй: «Ты уже в преклонном возрасте, но выглядишь как ребёнок. Почему?»

Она ответила: «Я познала Дао».

Нань Бо Цзы Куй спросил: «Да можно ли Дао изучить?»

Она ответила: «Нет! Разве можно? Ты не тот человек....

Передать Путь мудреца человеку с талантом мудреца — это легко...»

Нань Бо Цзы Куй спросил: «А от кого именно ты это услышала?»

Он ответил: «Я услышал это от сына Фу Мо, сын Фу Мо услышал это от внука Ло Сун, внук Ло Сун услышал это от Чжань Мина, Чжань Мин услышал это от Не Сю, Не Сю услышал это от Сю И, Сю И услышал это от Ю Оу, Ю Оу услышал это от Сюань Мина, Сюань Мин услышал это от Цан Ляо, Цан Ляо услышал это от И Ши». («Чжуан-цзы · Великий Мастер»)

Чжуан-цзы сказал:

Нань Бо Цзы Куи спросил Нью Сюй: «Тебе уже столько лет, а лицо у тебя как у ребёнка. В чём причина?»

Нью Сюй ответил: «Я обрёл Дао».

Цзы Куи: «Можно ли научиться Дао?»

Нью: «Нет, Путь святых передаётся людям с талантом святых, и только тогда его легко постичь. Я три дня забывала о мире, ещё семь дней — о всех вещах, а ещё девять дней — не беспокоилась о жизни и смерти; только тогда моё сознание стало ясным и прозрачным, а только в ясности можно ощутить «Путь». Обретя Путь, можно превзойти древность и современность, и только тогда жизнь и смерть перестают иметь значение. Путь — это нечто, что не встречает и не провожает, не разрушает и не созидает».

Цзы Куи спросил: «Тогда откуда ты получила Дао?»

Нью ответила: «Я обрела его через письменность; письменность обретается через заучивание; заучивание — через толкование; толкование — через устное предание; устное предание — через практику; практика — через пение и созерцание; пение и созерцание — через тишину; тишина — через осознание пустоты; пустота — через начало смятения».

Эта история Чжуан-цзы несет в себе два смысла:

во-первых, необходимо «передавать путь мудреца таланту мудреца», и ни одно из этих звеньев не может быть упущено.

Это звучит очень таинственно и сложно, но на самом деле это вовсе не таинственно и вовсе не сложно.

Путь мудреца повсюду: во всех горах и реках, во всех цветах и травах; у живых есть путь жизни, у мёртвых — путь смерти; путь мудреца — это путь природы.

Можно также сказать, что в природе нет пути: посмотри на небо, посмотри на землю — ты сам находишься в ней.

Вы не можете подняться на небо и не можете спуститься в землю, так что же вам остаётся? Быть человеком. Что значит «быть человеком»? Это значит вести себя как человек.

Ещё один смысл этой истории, рассказанной Чжуан-цзы, заключается в том, что при изучении Пути нужно уделять внимание текстам. Тексты предназначены для того, чтобы от них отказываться, но прежде чем это сделать, вы должны их понять. Книги предназначены для того, чтобы их выбрасывать, но прежде чем это сделать, вы должны знать их ценность. Мэн-цзы сказал: «Полностью доверять книгам хуже, чем не иметь книг вовсе», — это тоже тот же смысл.

Дао можно постичь, но нельзя передать

В этой главе не только раскрывается ключ к «передаче Дао», но и раскрывается

Сначала о передаче Дао —

Известная фраза Чжуан-цзы: «Передать путь святого человеку, обладающему талантом святого, — это легко!» — означает, что, если оба являются святыми, то, находясь на одном уровне, они естественным образом соединятся. В этом и заключается ключ к передаче Дао.

Вместо того чтобы говорить о передаче Пути, лучше го-

ворить о его постижении.

Путь можно подтвердить, но нельзя передать.

У разных людей прозрение в Дао происходит в разное время, но подтверждение Дао у всех одинаково. Путь Святого не далёк от человека, а талант Святого не далёк от Пути — они слиты воедино, как вода и молоко. Кто же обладает талантом Святого? Каждый человек обладает им. Откуда это известно? Потому что ваше сердце стремится к добру и любит красоту.

Забвение Пути — это и есть Путь

После подтверждения Пути наступает не обретение Пути, а забвение Пути.

Забыв всё, обретаешь Единое.

Забыв «Единое», обретаешь всё.

Ню-Вэй говорил, что за три дня он забыл мир, за семь дней — все сущее, а за девять дней — самого себя; именно это он имел в виду.

Обретение Дао имеет свою последовательность

В тот момент, когда ты забываешь Путь, ты обретаешь его. Если же ты не перестаешь о нём думать, то непременно что-то упустишь.

Чжуан-цзы, говоря устами Нюй-цзи, конкретно описал девять научных этапов обретения Дао, а именно:

Текст → заучивание → толкование → устное предание → практическое применение → воспевание → молчание → пустота → начало заблуждения
Текст — это начало Великого

Пути. Практикующие чань, с одной стороны, говорят: «Не привязывайтесь к тексту», а с другой — играют в игру «чань текста». На мой взгляд, текст всё же необходим. У текста есть два значения:

во-первых, это слова, произнесенные человеком;

во-вторых, это первоначальное наименование.

Лао-цзы говорил: «Дао, которое можно описать словами, — это Дао; имя, которое можно назвать, — это имя». Это «имя, которое можно назвать» и означает текст.

Даже Лао-цзы в своё время не мог передать Дао всему миру, а был вынужден воспользоваться пятью тысячами иероглифов «Дао-де-цзин». Конфуций же проявил ещё большее самопознание: с одной стороны, он систематизировал «Пять Книг», с другой — сочинял «Весну и осень», а ещё — передавал своим ученикам множество изречений. Если даже два святых — Лао-цзы и Конфуций — не могли обойтись без текста, как мы смеем «говорить о Дао вне текста»?

Ни в коем случае нельзя говорить о Боге, отрываясь от «Библии», и тем более нельзя произвольно придумывать слова.

Заучивание наизусть — это путь к Великому Дао. Слова имеют форму, а чтение — звук. Звук попадает в уши, а оттуда проникает в глубины сознания. Мозг подобен губке, которая фильтрует различные звуки.

Святой звук подобен музыке, а зловещий — мольбе; выбираем святой звук.

Мягкий звук принадлежит женскому началу, посторонний звук — мужскому; выбирайте мягкий звук.

Если звук мягкий, но не гармоничный, его нужно ещё раз переработать. Если звук мягкий и гармоничный, то дело сделано.

Толкование — это рождение Великого Пути. То есть подтверждение Пути.

Устное предание — это сокрытие Великого Пути. Всегда найдутся некоторые истины, которыми нужно наслаждаться в одиночестве; я передам их тебе в тайне.

Практическое применение — это проявление Великого Пути. Иметь Путь, но не следовать ему, равносильно отсутствию Пути.

Воспевание — это созревание Великого Пути. Прочитай книгу сто раз, и смысл откроется сам собой. Кто-то воспевает философию, кто-то — поэзию; следует отдавать предпочтение поэзии. Почему? Философия — это всего лишь одно озарение, а поэзия дарит ощущение красоты.

Молчание — это брожение Великого Пути. Подобно тому, как в тишине и покое созревает прекрасное вино, Великий Путь должен долго созревать, чтобы обрести свою полноту.

Пустота — это основа Великого Пути.

Смятение — это начало Великого Пути.

От пустоты к растерянности — Великий Путь безграничен, и мое сердце тоже безгранично. Бросив безграничное в безграничное, можно обрести свет. Подобно тому, как бро-

сив чёрную жемчужину в ночь, можно обрести свет.

Нюй-Сюй

Путь долголетия Нюй Сюй заключается в том, чтобы не придавать жизни значения — это и есть «внешнее существование», то есть отношение к жизни как к чему-то внешнему. Поэтому для неё не существует ни прошлого, ни настоящего, и она живёт долго, не осознавая этого.

Нет ни древности, ни современности

— «Чжуан-цзы. Великий Мастер»

Цай Чжэнь

Беззаботность — это бездействие. Простота и скромность — это легкость в самосохранении

— «Чжуан-цзы. Небесное движение»

Путь чистой простоты — это следование только духу

— «Чжуан-цзы. Умышленность»

9. Только когда делаешь всё сам, это приносит истинное удовольствие

В этой главе рассказывается о притче из «Чжуан-цзы» «Лунь Бянь вырезает колесо»

Великий Путь невозможно передать, каждый должен нащупывать его самостоятельно.

В изготовлении колес есть свой путь

Хуан-гун читал книгу в зале, а Лунь Бянь вырезал колесо внизу. Отложив молоток и долото, он поднялся наверх и спросил Хуан-гуна: «Позвольте спросить, о чём говорится в том, что вы читаете?» Хуан-гун ответил: «Это слова мудре-

ца». Лунь Бянь спросил: «Мудрец жив?» Хуан-гун ответил: «Он уже умер». Лунь Бянь спросил:

«Значит ли это, что то, что вы читаете, — лишь отбросы и дух древних?» Хуан-гун ответил: «Я читаю книги, как может колесник оспаривать это? Если у тебя есть аргументы — говори, а если нет — умри!» Лунь Бянь сказал:

«Ваш слуга рассматривает это с точки зрения своего ремесла. Когда я вырезаю колеса, если делать это медленно, то они получаются гладкими, но не прочными; если быстро — то грубыми и не вписывающимися в обод; только когда ни медленно, ни быстро, когда это получается в руках и соответствует сердцу, — этого нельзя выразить словами, но в этом заключается некая закономерность. Я не могу объяснить это своему сыну, а мой сын также не может понять этого от меня; поэтому, достигнув семидесяти лет, я по-прежнему занимаюсь изготовлением колес. Древние люди, если бы не могли передать это, умерли бы; значит, то, что вы читаете, — это лишь отбросы и дух древних!» («Чжуан-цзы · Путь Неба»)

Чжуан-цзы говорил:

Государь Ци Хуанго читал в зале, а Лунь Бянь внизу изготавливал колеса для колесниц.

Лунь Бянь спросил у Хуангона: «Какую книгу ты читаешь?»

Гоу-гун из Ци ответил: «Книги мудрецов».

Лунь Бянь спросил: «А мудрецы ещё живы?»

Гоу-гоу ответил: «Святые уже умерли».

Лунь Бянь сказал: «Значит, книги, которые ты читаешь, — это лишь отбросы древних!»

Государь Ци ответил: «Как смеет мастер по изготовлению колес так легкомысленно высказываться о моём величии?»

Если ты сможешь привести веские доводы — ладно, а если нет, то тебя казнят».

Лунь Бянь ответил: «Когда я вырезаю деревянные колеса, если я работаю слишком медленно, то они становятся рыхлыми и некрепкими; если слишком быстро — то застревают и трудно входят в древесину; только работая ни слишком медленно, ни слишком быстро, я чувствую, как инструмент лежит в руке. Я не могу выразить это словами, но мастерство заключается именно в этом. Даже мой сын не смог унаследовать от меня эту тайную технику, поэтому в 70 лет он все еще вырезает колеса. Люди древности и их невыразимые словами истины уже умерли, а книги, которые читает правитель, — это лишь дрожжи древних».

Ци Хуангон счёл, что слова Лун Бяня очень убедительны. Истина открывается на ощупь

Лунь Бянь был мастером по изготовлению колес и, разумеется, мастером во всём.

Лунь Бянь и Пао Дин можно назвать двумя непревзойдёнными мастерами.

Пао Дин, разделывая быка, не видел в нём целого быка. Лунь Бянь, изготавливая колеса, видел в круге квадрат. В глазах Лунь Бяня колесо было четко квадратным, с гра-

нями и углами, поэтому он мог держать его уверенно: топор не сбивался с цели, молоток не промахивался, гвозди входили в дерево, а углы сжимались.

День за днём Лунь Бянь изготавливал колеса, и ощущения в руках опережали ощущения в сердце, руки работали быстрее, чем мысли.

Эти секреты стали для него уже условными рефлексами, о которых другие, разумеется, и не подозревают.

Во всём нужно действовать самостоятельно, во всём нужно чувствовать руками. Чувство рук, чувство рук — как можно по-настоящему почувствовать вещь, если она не оказалась в руках?

Поэтому Великий Путь невозможно передать — каждый должен нащупывать его самостоятельно.

Именно по этой причине Лунь Бянь говорил, что книги, которые читал Ци Хуанго, были лишь отбросами древних мудрецов.

Лунь Бянь изготавливает колеса

Искусство изготовления колес заключается в ловкости рук, а ловкость рук естественным образом приводит к ловкости ума. Словами это не объяснить, но гвозди говорят сами за себя.

Видение единства

— «Чжуан-цзы. Великий Мастер»

10. Взглянуть на существование с восхищением

В этой главе рассказывается о притче из «Чжуан-цзы»

«Уродливый призрак Ай-Тай-Та»

Будь прозрачным в своих поступках, и в твоём сердце воцарится свет.

Ай-Тай-Та был уродлив, но обладал особым шармом

Ру Айгун спросил Конфуция: «В государстве Вэй живет злодей по имени Ай Тайта. Мужчины, оказавшиеся рядом с ним, задумываются, но не могут уйти. Женщины, увидев его, просят родителей: „Лучше стать наложницей этого человека, чем женой кого-либо другого“, — таких десятки, и их число не уменьшается. Никогда не слышали, чтобы он что-то предлагал, он всегда лишь подстраивается под других. У него нет положения правителя, чтобы спасти людей от смерти, нет дохода, чтобы накормить людей, и тем не менее он пугает весь мир своей уродливостью; он подпевает, но не поёт сам, его слава не выходит за пределы четырёх границ, а перед ним сливаются мужское и женское начало — значит, в нём непременно есть что-то, отличающее его от других людей.... Кто же он такой?»

Конфуций сказал: «... Сейчас Ай Тай-та не произносит ни слова, а ему верят; не совершает никаких заслуг, а к нему относятся с близостью; ему предлагают передать ему государство, и он боится, что его не примут. Это, несомненно, человек, обладающий всесторонним талантом, но не проявляющий свою добродетель».

Ай-гун спросил: «Что значит „обладает всесторонним талантом“?»

Конфуций ответил: «... Он — как весна для всего сущего; это тот, кто соприкасается с миром и рождает время в своём сердце.

Вот что называется «полнота таланта».

«Что значит „добродетель не проявляется“?»

Он ответил: «Равновесие — это полнота стоячей воды; оно может служить образцом: оно сохраняется внутри и не колеблется снаружи. Добродетель — это совершенство гармонии; когда добродетель не проявляется внешне, вещи не могут от неё отдалиться». («Чжуан-цзы. Де Чун Фу»)

Чжуан-цзы говорил:

В государстве Вэй жил человек с уродливой внешностью по имени Ай-Тай-Та. Мужчины, общаясь с ним, скучали по нему и не хотели расставаться с ним. Женщины, увидев его, сразу же просили своих родителей, говоря:

«Лучше стать наложницей Ай-Тай-Та, чем женой кого-то другого».

Таких женщин уже несколько десятков, и их число продолжает расти.

Никто никогда не слышал, чтобы Ай-Тай-Та проповедовал что-либо; видели только, как он поддакивал другим. У него не было ни положения правителя, чтобы спасать людей от страданий, ни богатства, чтобы накормить их, ни знаний, превосходящих знания соседей, но и мужчины, и женщины тянулись к нему.

Государь Лу Ай привлёк его к себе и действительно уви-

дел, что его внешность настолько уродлива, что поразила всех под небом.

Но не прошло и месяца, как он обнаружил его выдающиеся качества. Не прошло и года, как он полностью доверился ему и решил поручить ему управление государством.

Ай Тай-та не стал ни соглашаться, ни отказываться, но в конце концов всё же покинул Лу Ай-гоу.

Государь Лу с чувством утраты спросил Конфуция: «Каким человеком был Ай-Тай-Та?»

Конфуций ответил: «Ай-Тай-Та способен завоевать доверие людей, даже не произнося ни слова; он — человек все-сторонне одарённый, который днём и ночью, не переставая ни на мгновение, сохраняет весеннюю жизненную силу, следуя за окружающим миром, и вступает в гармоническое взаимодействие с внешним миром».

Лао-цзы говорил: «Высшее добро подобно воде», имея в виду, что вода не знает пристрастия и течет, расширяясь по пути.

Чжуан-цзы также говорил о воде, используя притчу о том, что вода должна быть ровной, чтобы не бушевать, и объяснял, что человек должен сохранять свою природную сущность и не должен легко отрывать её от себя. Только так внешний мир не сможет насильно разлучить нас с нашей природной сущностью.

Эта история, рассказанная Чжуан-цзы, призвана показать: у того, чья природная сущность совершенна, личность неиз-

бежно будет чистой, и он естественным образом будет обладать притягательной силой.

Гармоничность порождает величие

Ай-Тай превосходил другого уродливого человека, о котором рассказывал Чжуан-цзы, — Чжи-Ли-Шу.

Чжи Ли Шу просто считал себя обычным человеком, а Ай Тай Та вызывал у людей чувство близости.

Чжи Ли Шу сохранял дистанцию с людьми, а Ай Тай Та полностью сливался с окружающими.

Гармония порождает величие.

Из этой истории Чжуан-цзы мы можем выделить три главные добродетели Ай-Тай-Та. Если бы человек смог воплотить в жизнь хотя бы одну из них, это уже было бы нечто выдающееся, а Ай-Тай-Та обладал всеми четырьмя добродетелями — разве он не святой? Неудивительно, что Конфуций так высоко ценил этого человека.

Примирение с врождённым

Ай-Тай-Та уродлив по природе.

Уродство Ай-Тай-Та было врождённым, а не результатом самоискажения, навязанного внешним миром. Мы часто видим уродливых людей, но в большинстве случаев это связано с их странными выражениями лица или нечистоплотностью черт лица, создающими плохое впечатление. Если бы у человека было опрятное лицо и естественное, открытое выражение, как он мог бы быть уродливым?

Естественная уродливость Ай-Дай-Та свидетельствует о

том, что в его сердце нет преград. Благодаря приобретённым усилиям он достиг примирения с врождённым и добился успеха в самосовершенствовании.

Будь прозрачным — и в сердце будет свет

У Ai Dai уродство выражается в его великодушии.

Эта непринужденность не является результатом богатства, а проистекает из бедности — раз уж так сложилось, то почему бы не быть более открытым? Мы часто замечаем, что когда у тебя нет денег, ты можешь одолжить их у бедного друга, но не у богатого — именно в этом и заключается суть.

Ай-Тай-Та не имел ничего, поэтому ему нечего было терять. Хорошие вещи он использовал по мере необходимости, не накапливая их. Плохие вещи он выбрасывал без колебаний, не позволяя им причинять себе вред. Поэтому перед людьми, склонными к мелочному счёту, он естественным образом выделялся из толпы. Что же такое великодушие?

Щедрость заключается не в том, чтобы отдавать людям то, что у тебя в избытке, а в том, чтобы отдавать то, чего у тебя не так много.

Будьте великодушны — и ваша награда будет велика.

Поскольку ты открыт и свободен, прекрасное приходит вместе с добродетелью, и все лучшее непременно придет к тебе.

Будь открытым, и в твоём сердце воцарится свет.

Цени существование

Ай-Тай был уродлив по своей сути.

Он обнаружил, что его существование имеет смысл, что все устроено по-своему, и при этом он наслаждается полной свободой. Увидев это противоречивое, но вполне реальное явление, он не мог не признать, что его жизнь — дар Небес. Чего же может требовать Творец от своего творения? Ничего.

Ай-да-та, поскольку жил счастливо, в сердце испытывал благоговейный трепет перед Небесами, даровавшими ему счастье, и таким образом обрёл мудрость. Под мудростью подразумевается благодарность! С тех пор у него появились веские причины жить: он не боялся ни беспорядков, причиняющих вред людям, ни периодов процветания, мешающих спокойной жизни. Его сердце всегда оставалось чистым и спокойным.

Очаровательный Ай-да-та

Ай-Тай-Та был уродливым, но при этом имел бесчисленное множество прекрасных наложниц. Потому что он во всём был уступчив, никогда ничему не придавал значения и просто пользовался всем хорошим, что давал ему мир. В его глазах не было различия между добром и злом, и все люди были для него одинаковы. Все тянулись к нему, потому что у него получали то отношение, которое хотели получить от «человека».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.